

И.А. Крылов

**Басни русские, извлеченные
из собрания И. А. Крылова,
часть 1**

**с подражанием на французском
и итальянском языках разными
авторами и с двумя
предисловиями, собрание сие
украшено портретом автора и
пятью отпечатанными
рисунками**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
К85

К85 **Крылов И.А.**
Басни русские, извлеченные из собрания И. А. Крылова, часть 1: с подражанием на французском и итальянском языках разными авторами и с двумя предисловиями, собрание сие украшено портретом автора и пятью отпечатанными рисунками / И.А. Крылов – М.: Книга по Требованию, 2020. – 309 с.

ISBN 978-5-458-12389-1

Желание познакомить ученый свет и Европу с нашей отечественной словесностью, давно занимало меня. Имев творения ваши со мною, часто в Италии читали мы прелестные басни ваши ученым и литераторам сей классической земли, переводя их слово в слово; и как не слаб был мой перевод, я восхищал, сих питомцев муз, оригинальными мыслями, воображением, и редким талантом вашим.

ISBN 978-5-458-12389-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Épître Dédicatoire
à M. Kriloff,
Par M. le Comte Orloff.

ЛЮБЕЗНЫЙ ДРУГЪ ИВАНЪ
АНДРЕЕВИЧЬ!

Желаніе познакомить ученой свѣтъ и Европу съ нашею опечеспвенною словесноспію, давно занимало меня. Имѣвъ шворенія ваши со мною, часшо въ Ишаліи чипали мы прелеспнныя басни ваши Ученымъ и Липерашорамъ сей Классической земли, переводя оныя слово въ слово; и какъ не слабъ былъ мой переводъ, я восхищаль, сихъ нишомцевъ музъ, оригинальными мыслями, воображеніемъ, и рѣдкимъ шаланшомъ вашимъ.

Имянишѣйшіе Поешты Ишаліи, обрапили въ стихи нѣкопорыя басни ваши, и шакимъ образомъ сдѣлались они извѣспны въ щаспливыхъ подражаніяхъ, на безмершномъ языкѣ Данша, Шасса и Аріюста.

Первой удачной опытъ возбудиль желаніе продолжашъ оной. Мы избрали въ собраніи вашемъ большую часшъ басень собственно вамъ принадлежащихъ, не касаясь шѣхъ въ коихъ вы сами подражали иностраннымъ авшорамъ.

Я перевелъ ихъ въ прозу, и разослалъ по разнымъ опличнѣйшимъ поетамъ Италіи, кои съ опмѣнною благосклонностію и снисхожденіемъ исполнили желаніе наше, и доставили намъ труды свои. — Шакимъ образомъ совершились переводъ и подражанія Италіянскія.

Но мы полагали, что сего не довольно, для славы нашего Лафоншена. Языкъ Французской въ нашемъ вѣкѣ, сдѣлался такъ сказать языкомъ всеобщимъ, не только Европейскимъ, но даже всего Свѣта. И такъ мы сочли необходимымъ, что бы басни ваши были переведены и на французскій языкъ. Стихотворцы Французскіе не менѣе были благосклонны Стихотворцевъ Италіянскихъ. — Восемь десятъ шесть басенъ на обѣихъ языкахъ переведены. Вы пойдете въ числѣ подражателей имена, первыхъ баснописцевъ, первыхъ поетовъ, людей извѣстныхъ ученостію, любезностію и пріятностію дарованій, кои служатъ украшеніемъ, первѣйшимъ сословіямъ словесности и учености. Всѣ согласились съ радостію соучаствовать въ нашемъ предпріятіи, съ такимъ усердіемъ и съ такою готовностію, что я не имѣю словъ изъявить имъ моей искренней благодарности.

Нѣсколько лѣтъ должны были мы употребить на окончаніе такого предпріятія. Наконецъ

оно совершилось. — Дѣло дошло до печатанія. Изданіе должно бытъ доспойно нашего любезнаго Автора и его подражателей. — Кому вѣришь типографическую часть, какъ не Фирмену Дидоту? Новыя липеры вылиты и Рускія и Иностранныя. Рисунки для украшенія каждой книги нарисованы изящнѣйшими художниками Парижа, и лучшіе Граверы сей столицы вырѣзали и ошпечатали оныя.

Начало первой части знакомитъ Европу съ изображеніемъ и чертами нашего добраго и милаго баснописца. — Издашель почищаетъ долгомъ принести ему сей знакъ уваженія и дружбы.

Каждая басня Руская, напечатана прежде Иностранныхъ. Пускай иноземцы, кои испытывали всю швердосць и силу рускаго меча узнають, что сей народъ благочестивый и преданной Опечесству и Царю, не лишень шакже и изящныхъ дарованій, что онъ имѣетъ своихъ Поетовъ, своихъ Историковъ, своихъ ученыхъ, что и съ сей стороны, онъ заслуживаетъ не менѣ уваженія и почтенія какъ со стороны славы и побѣдъ гремящихъ въ честь его во всей вселенной. Пускай чипая подражанія басней вашихъ, почувствуютъ они желаніе понимать оныя и въ національномъ языкѣ.

Уже они знакомы сдѣлались съ нашимъ почтеннымъ Историкомъ съ безсмертнымъ Карамзинымъ, копорой снискалъ себѣ славу необыкновенную и въ Опечеспвѣ и въ Европѣ, изданіемъ Опечеспвенной Исторіи. — Пускай узнають они шеперьъ, что ешь въ Россіи и баснописцы доспойные вниманія и хвалы.

Пускай примѣръ сей возбудишь въ соопечеспвенникахъ нашихъ желаніе оному послѣдовать и сообщитъ иноземцамъ, наши сокровища въ словесности, вѣрнымъ и чиспымъ переводомъ.

Кому же послѣ всего мною сказаннаго сдѣлашь приношеніе сего пворенія, еспли не самому Автору? — И шакъ примите оное Любезной другъ, какъ знакъ пріязни и уваженія къ шаланшамъ вашимъ, и желанія что бы оно пѣкторымъ образомъ возбудило музу вашу къ новымъ шрудамъ.

Г. ОРЛОВЪ.

INTRODUCTION

PAR M. LÉMONTEY.

LES amateurs de curiosités littéraires recherchent encore avec empressement le recueil de devises et de madrigaux dont se composa la fameuse *guirlande de Julie*, et qui furent adressés à Mlle de Rambouillet par l'élite des beaux esprits du XVIIe siècle. On peut sans témérité promettre aux deux volumes dont j'écris l'introduction un sort au moins égal : ils offrent quatre-vingt-six fables russes imprimées à Paris en caractères russes, et accompagnées d'une double traduction en vers français et italiens par quatre-vingt-huit littérateurs des deux nations ; mais la singularité ne sera probablement que le moindre mérite de cette nouvelle guirlande poétique.

Les Russes sont entrés assez tard en partage de la civilisation moderne des Européens. Deux invasions de Tartares et de Lithuaniens avaient, plus encore que la rigueur du climat, arrêté l'essor de ce peuple, naturellement gai, sociable et ingénieux. Mais ses progrès furent rapides dans

toutes les carrières que lui ouvrit le règne de Pierre-le-Grand. La persévérance et l'habileté de son cabinet ont affermi son influence politique; l'histoire ne compte pas sans quelque effroi ses triomphes et ses ressources militaires; sa législation s'avance constamment vers un but de douceur et d'équité, tandis que les sciences s'enrichissent des travaux de ses naturalistes et de ses hardis navigateurs. Mais c'est surtout de sa fortune littéraire que je dois considérer les phases.

Pierre Ier, qui bâtissait sur un sol nouveau, dut s'occuper des fondations plus que des ornements de l'édifice. Ce fut véritablement sous les règnes de sa nièce et de sa fille que la Russie vit poindre les premières lueurs d'une littérature. Comme toutes les autres nations, elle avait eu dans son moyen âge des chroniques, des troubadours et des mystères, oubliés ensuite au milieu des ténèbres de la barbarie. Un pauvre pêcheur, né près des glaces d'Archangel, avec une force merveilleuse de jugement et de génie, donna aux Russes, un peu avant le milieu du XVIIIe siècle, leur première grammaire, leur premier dictionnaire, ainsi que des règles et des essais de poésie (1). Il est remarquable que la

(1) Cet homme extraordinaire s'appelait *Lomonossoff*; esprit universel, poète et prosateur, aussi versé dans les

langue allemande, dédaignée dans son propre pays pour la langue latine, ne reçut des lois qu'à la même époque. Au reste, jusqu'à l'avènement de Catherine II, on ne trouve guère sur le Parnasse russe que des tentatives éparses et des imitations de l'étranger plus ou moins heureuses.

Le génie de cette grande souveraine, capable de tout concevoir et tout entreprendre, sentit la nécessité de préparer pour la culture intellectuelle de son peuple un fonds plus solide. D'une part, elle fit traduire tous les chefs-d'œuvre classiques français, italiens, anglais et allemands, véritable moyen de perfectionner la langue et de mûrir la raison d'un peuple nouveau; et, d'autre part, elle jeta les bases d'une instruction publique, et y appela de toutes les contrées d'habiles professeurs. Alexandre a développé l'ouvrage de son aïeule sur un plan vaste et régulier, et à la voix du nouvel Osiris l'immense empire des tzars s'abreuve à toutes les sources de lumières, depuis l'ensei-

sciences exactes que dans les arts de l'imagination, il n'en fut pas moins original et supérieur dans plusieurs genres. On n'a point égalé ses odes et ses psaumes, et ce père de la littérature russe en est encore aujourd'hui regardé comme le géant. *Soumorokoff*, qui le suivit, montra le premier à ses compatriotes des tragédies nationales. Je ne puis, au reste, dans une simple préface, citer tous les fondateurs du Parnasse russe, et il ne m'appartiendrait pas de les juger.

gnement primaire des hameaux jusqu'aux doctes leçons de six grandes universités.

Ce mouvement général imprimé aux esprits par une main puissante, a des effets bien supérieurs à des protections isolées et passagères. Une Russie littéraire naît et croît réellement. Non-seulement la vie s'y manifeste par des productions originales et variées, mais des besoins nouveaux y ont fait établir, pour chaque semaine, chaque mois, chaque année, des journaux et des recueils périodiques, consacrés aux sciences, aux lettres et aux arts. Des académies volontaires se forment en divers lieux pour le même dessein, et décèlent l'agitation de la pensée et l'impatience de savoir. Moscou possède une société d'antiquaires qui promet de curieuses recherches dans des régions peu connues. Les vérités, les découvertes utiles n'éprouvent pas le repoussement des vieilles sociétés. On favorise la méthode qui a, de nos jours, abrégé le temps et doublé l'étendue de l'instruction, et le nom des deux impératrices décore la liste de ses protecteurs. On ne peut se dissimuler que désormais en Russie l'intérêt public s'attache aux succès littéraires. Déjà la mode, qui, sous des formes frivoles, n'en est pas moins, dans les sociétés polies, l'interprète de goûts réels, promène sur des livres et sur des auteurs ses caprices et son engouement. Le golfe

de Finlande fournit aussi des partisans et des adeptes aux deux doctrines qui partagent en *classiques* et en *romantiques* le monde lettré, en attendant qu'un goût sage fasse des systèmes rivaux, un ordre *composite* qui ravive les formes anciennes et régularise les nouvelles. Enfin des femmes de rangs divers ont pris place entre les écrivains nationaux. Cette intervention des femmes dans les travaux des Muses, soit qu'on la blâme, soit qu'on l'approuve, est le signe avéré que la littérature a pénétré dans les mœurs, et qu'elle ne saurait plus en être séparée.

Avant de poursuivre ce tableau, il est nécessaire de jeter un regard plus attentif sur la langue russe, puisque c'est la matière première de toute littérature, l'élément inséparable qui ne reçoit pas, sans les modifier, les formes de la pensée et les couleurs du style. Le langage d'un peuple a sans doute moins de mobilité que sa littérature, mais il n'en reste pas moins la mesure la plus juste pour apprécier les pas qu'elle a faits et prévoir ceux qu'elle pourra faire. Il est très-difficile de bien juger une langue vivante. Les naturels la connaissent trop, et les étrangers ne la connaissent pas assez. Fondue dans les habitudes des premiers, et moulée sur les formes de leur esprit, elle les pénètre à leur insu comme l'air qu'ils respirent; tandis que les seconds, poussés